

А.Н. ФАТЕНКОВ

СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ В РАКУРСЕ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВА

ФАТЕНКОВ Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета, Нижний Новгород, Россия (fatenkov@fsn.unn.ru).

Аннотация. Автор стремится дать сущностную характеристику современного общества и вскрыть причины затруднений, с которыми сталкивается описывающая его социальная теория. Выявлены структурные и содержательные недостатки традиционного классового подхода к анализу социальной реальности, а также конкурирующих с ним стратогового и сетевого подходов. Критически оценен дискурс «посткапитализма». Из констатации экстремально высокого уровня отчуждения в современном технологически развитом обществе выведен тезис о капиталистической сущности доминирующих в настоящее время социальных отношений. Концептуально привязывается к концепту капитализма и содержательно уточняется понятие общества потребления. Центральная мысль автора состоит в том, что сегодня мы имеем дело не с отмирающим, а с аутентичным капитализмом. Он имеет однополярную конфигурацию с единственным – правящим – классом в центре и деклассированной социальной массой в обширной периферии. В преодолении отчуждённости и диктата капитала важная роль отводится самоидентификации индивида.

Ключевые слова: аутентичный капитализм • одноклассовое общество • отчуждение • социальная теория

DOI: 10.31857/S013216250028545-2

Российское интеллектуальное сообщество активно обсуждает вопрос эволюции капитализма (см., в частности: [Давыдов, 2022; Бузгалин, Колганов, 2022]). Позволю себе включиться в полемику с позиции, сформированной на пересечении экзистенциалистской и марксистской парадигм.

Затруднительное положение, в которое попала сегодня социальная теория, остро проявляется в неудовлетворённости от приложения к анализу структуры и режима функционирования современного общества как однофакторного (классового), так и многофакторного (стратогового) подходов. Оба они, предполагая, каждый по-своему, иерархически выстроенную социальность, вытесняются сейчас на уровне дискурсивных практик сетевым моделированием с доминирующим горизонтальным структурированием социальной реальности. Однако и сетевой подход вызывает немало претензий – логических и жизненно-практических. Его логическая неувязка в том, что декларируемая им гегемония горизонтальных связей и отношений остаётся все же гегемонией, то есть феноменом вертикального, иерархического порядка. Жизненно-практическая слабость «сетевого» теоретизирования в том, что оно охватывает только поверхностный (по большей части маскировочный) слой процессов и состояний общества, не проникает в глубь их, где вертикальные стандарты хотя и подверглись некоторой трансформации, но в принципе остались непоколебленными.

Стратовая методология, конкурируя с классовой, работала на идеологему конвергенции, которая утверждала постепенное сближение советской и западной социальных систем под влиянием с необходимостью используемых в экономике общих технологий. «Конвергентный» дискурс был идеологического – не собственно теоретического – разряда

вследствие своих концептуальных несостыковок и прямого лукавства. Вместо анонсируемой многофакторности он оказался по сути однофакторным, лишь поменяв приоритетную для классового подхода роль отношений собственности на приоритет производственно-технологических отношений. Главное, декларацией о сближении социалистической и капиталистической систем он вуалировал иную перспективу – поглощение капитализмом своего оппонента. Дело в том, что в чисто экономическом плане социализм не конкурентоспособен. Стратегия социализма кардинально иная: преодоление экономической детерминации, чтобы человек перестал быть существом экономическим и стал существом собственно социальным. Первый в мире пилотируемый космический корабль стал в 1960-х гг. лебединой песней советской экономики в её притязаниях на соперничество с конкурентом.

После завершения «конвергенции» мир стал однополярным, капиталистическим, но стесняется называть себя таковым. В качестве идеологического прикрытия всё чаще используется примитивный конструкт с префиксом «пост-». Надо признать, приём срабатывает. Интеллектуализированное ядро «посткапитализма» (без ироничных кавычек здесь не обойтись) составляют ныне сетевые концепции. Они проводят мысль о тотальной деструкции социального и лишь фрагментарной его «пересборке», а точнее – о перманентном сочленении фрагментов социального с техносферой (см.: [Латур, 2014]). В методологическом плане перед нами радикальная версия технологического детерминизма в его привязке к компьютеризированной среде – не только в профессиональной деятельности людей, но и в их быте. Подмечаемые «сетевиками» тенденции действительно наличествуют в общественной практике, но не отменяют иерархических отношений и не заслуживают ни апологии, ни нейтрального к себе отношения. В сетевом обществе с доминирующими в нем цифровыми технологиями и гипервизуализацией отчужденность человека от самого себя экстремально высока. Фиксируемый пик отчужденности указывает на *капиталистический* характер актуально функционирующей социальной матрицы.

«Посткапитализм» одной из своих граней предстаёт обществом *потребления*, которое возникает, когда потреблять, не производя общественно ценный продукт, позволительно уже многим. При этом маховик массового производства продолжает ускоренно раскручиваться, не нуждаясь благодаря продвинутой технике в масштабном привлечении людей. Ему нужны лишь всё нарастающие усилия тех немногих, кто способен поддерживать поступательный технический прогресс. Для остальных предусмотрено сокращение рабочего времени, сопровождающееся нагнетанием интенсификации труда.

Осмысливая общество потребления в формате оппозиции необходимого и свободно-го времени, обнаруживаем неприглядную социальную и экзистенциальную картину. Сокращение необходимого рабочего времени уменьшает вклад человека в общественный котёл, не уменьшая, а, напротив, увеличивая его вклад в карман капиталиста. Время, которое индивид дополнительно получает в своё распоряжение в результате сокращения («оптимизации») общественного труда, – ни необходимо, ни свободно. Это время насаждаемого конформизма, подготовленное к самоуничтожению в тотально контролируемых виртуальных сетях. Оно объективно лишнее. Вместе с ним объективно лишним в обществе потребления становится и гармонично развитый человек, и идеал такого человека. Массово востребован придаток к «умным» машинам и технологиям: опознаватель торговых марок и поглотитель сопутствующих товаров, идолопоклонник информации, дистанционно голосующий электронный штифтик. Трагедия в том, что подавление заложенных природой способностей провоцирует деструкцию личности и присущей ей социальности.

Потребление есть чистое отрицание вещи: так оно осмысливается в гегелевской диалектике господина и раба, привязываясь к функционалу господства [Гегель, 2002: 103]. Но ведь потребляет и раб, представляющий собой по сути вещь, производящую вещи. Чистота господского потребления обеспечивается на первых порах системой опосредованных отношений: к потреблению вещи – через раба, к рабу – через потребление вещи. Но если раб тоже вещь, то чистота и полнота господского потребления со временем терпят крах. Рабское же потребление изначально не способно быть чистым и полным. И не

потому, что раб лишён опосредованных отношений к вещи через господина, а потому, что, являясь вещью, раб вынужденно потребляет и самого себя. Исчерпывающее потребление возможно для него только в случае самоуничтожения. Марксов пролетариат есть гегелевский раб, нигилистически отрекающийся от своего существования. Общество потребления, успешно перемолов пролетарские позы, – это общество рабов, мнящих себя господами. И неважно, что в экономически развитом обществе речь идёт, в лексике Г. Маркузе, о сублимированных рабах – всё равно они «остаются рабами, ибо рабство определяется “не мерой покорности и не тяжестью труда, а статусом бытия как простого инструмента и сведением человека к состоянию вещи”» [Маркузе, 2003: 296].

Современное состояние социальной реальности, отнесённой по экстремально высокому уровню отчуждённости к капиталистическому типу (по сопутствующим показателям – к типу потребительскому), не укладывается в рамки стандартной классовой модели, априори постулирующей – согласно бинарным рациональным схемам – наличие двух антагонистических сосуществующих больших социальных групп. Удивительнее не отмеченная пробуксовка биполярности, а то, что известная критическая констатация однополярности современного мира (сверхобщества) не распространяется на его социально-структурные фрагменты. Разгадка проста. Критика сверхобщества позволяет заинтересованным лицам и институтам отодвигать на задний план и вуалировать несуразницы в конкретной его социально-политической составляющей. Сегодняшние передовые общества, западные или восточные, однополярны: правящий класс прочно забронировал за собой центр системы; деклассированная социальная масса с ризомной текстурой заполняет периферию. Текучесть слабоструктурированной массы создаёт иллюзию дрейфующего, а потому якобы слабеющего центра. В действительности же правящий класс, взяв на вооружение новые гибкие технологии, лишь нарастил потенциал господства настолько, что не принуждает индивида к идентификации с Системой, – достаточно того, чтобы индивид отрёкся от самоидентификации. Модель одномерного мышления и поведения, распознанная Маркузе, осталась закреплённой за верхами общества, низам дозволено барахтаться в осколках одномерности. Можешь считать себя включённым в Систему, можешь не считать, но если устранишься или устраниён от самоидентификации, ты уже в системном плену.

Ростки тенденции к сохранению одного-единственного класса-победителя фиксировались представителями критической социальной теории на стадии позднего индустриального капитализма. «Если рабочий и его босс наслаждаются одной и той же телепрограммой и посещают одни и те же курорты, если маникюр секретарши не менее эффектен, чем у дочери ее начальника... и все они читают одни и те же газеты, то это уподобление указывает не на исчезновение классов, а на степень усвоения населением тех потребностей и способов их удовлетворения, которые служат сохранению Истеблишмента» [там же: 272]. Историческая субъектность классов, противостоявших миру капитала, сошла на нет.

Очерченная однополярная социальная конфигурация свойственна *аутентичному капитализму*. Прежние его формы и исторические этапы – раннего и отчасти позднего индустриализма – вписывались в бинарную (буржуазно-пролетарскую) классовую матрицу. Но то был капитализм не высшей пробы, ещё соперничающий актуально и потенциально с социалистической организацией общества. В определённом смысле конкурировали тогда между собой две структуры – одноклассовая и бесклассовая. Одноклассовая взяла верх. Пока, по крайней мере. Соответствующие трансформации происходили параллельно, хотя разными путями, в западной и советской системах. Но если буржуазные идеологи концептуализировали последствия изменений в обществе, то советский официоз отвернулся от перемен, догматично (скорее с циничным умыслом) отрицая квазиклассовые признаки сложившейся номенклатуры, часть которой перешла впоследствии в разряд крупных собственников.

Важную (если не решающую) роль в поражении советского проекта сыграло классовое сознание. Пролетарский нигилизм (без него невозможна установка на уничтожение

классов) стратегически уступил буржуазному прагматизму и не сменился стойкой чувственно-мыслительной ориентацией, способной одолеть корыстную прагматику и содействовать структурированию и упрочению социальной общности, мощнее и человечнее классовой. Хотя общность советского народа не без оснований претендовала на ценностно положительный сверхклассовый статус.

Буржуазное сознание и сочленённая с ним практика оказались недооценёнными теоретиками социализма, включая Г. Лукача. Его известный тезис гласит: «...буржуазия застревает в непосредственности, в то время как пролетариат выходит за её рамки» [Лукач, 2003: 249]. С данным утверждением связано другое, методологического плана: буржуазия ратует якобы лишь за количественные изменения в обществе (бесконечный прогресс – это её идея), тогда как пролетариат настроен на изменения качественного характера. Развитие событий показало, что буржуазия успешно решила двуединую задачу: вывела себя к качественно иной – одноклассовой – социальной непосредственности, оставив пролетариат, его попутчиков и наследников в состоянии перманентной опосредованности. Та качественно отлична от любой (в том числе прежней, товарно-денежной) непосредственности, но не избавлена от матрицы купли-продажи и представляет собой концентрированный негатив: деятельность ради деятельности, близкую к тотальной отчуждённость, потерю ведущих опор самоидентификации.

Классовая общность эгоистична. Особенность пролетариата в том, что его мещанский (среднеюнионистского типа) эгоизм может перетечь в нигилизм с желанием до основания разрушить старый мир. Когда класс остаётся без антагониста или иного серьёзного социального оппонента, эгоистическая установка начинает зашкаливать. Рассуждения на языке диалектики дают следующую картину. Продуктивное развитие общности, как и индивида, протекает по восходящей: «в себе – для себя – для другого – в себе, для себя и для другого». Становясь единственным, класс функционирует в режиме «в себе и для себя». Соотносимая с ним деклассированная социальная масса опускается до уровня «в себе и без себя» – с размытой или утраченной способностью к самоидентификации. Требуются сверхусилия – а откуда их взять: уникальный, с трагической завязкой, исторический шанс упущен – для формирования общности, свободной от нигилистических интенций, существенно ограничивающей свой эгоизм и готовой хотя бы на равных потягаться с классом и его собственностью.

Положение усугубляется призывами отказаться в теории и социальной практике от строгих идентификационных процедур и эссенциалистского дискурса (от размышлений по существу). Сообразно навязываемой моде личность и телесность человека подаются как множественные, а социальность – непрерывно трансформирующейся или исчезающей. Но не стоит обманываться: где невозможна или табуирована самоидентификация, то есть хотя бы временное уравнивание субъекта с самим собой, там скрадывается проблематика отчуждённости, её предмет начинает существовать в превращённых формах, распознать суть которых ещё труднее. Под отчуждением традиционно понимается процесс, в результате которого человек утрачивает ряд существенных качеств, тем самым меняя, искажая собственную сущность. Вне какого бы то ни было обращения к эссенциалистскому дискурсу констатация и оценка уровня отчуждённости, а стало быть, и уровня капитализации общественных отношений попросту немыслимы. Но многие интеллектуальные течения, позиционирующие себя как антикапиталистические, пытаются всячески дискредитировать эссенциализм и акт самоидентификации. Подобную установку обнаруживаем в негативной диалектике Т. Адорно, в постструктурализме Ж. Делёза и М. Фуко, в концепции постанархизма С. Ньюмана [Ньюман, 2022].

Ближайшие социальные перспективы не радужны. Они с огромной долей вероятности окажутся втиснутыми в сегмент «комфортной» *тоталитарности*, к которой предрасположено и склоняется аутентично капиталистическое общество в его цифровом обличье (см.: [Фатенков, 2022]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Капитализм, посткапитализм и креативная революция (критические размышления о статье Д.А. Давыдова) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 100–109.
- Гегель Г.В.Ф. Система наук. Ч. I. Феноменология духа. СПб.: Наука, 2002.
- Давыдов Д.А. Классовое господство в эпоху капитализма: Часть 1. Этнос персоналиата // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 142–152.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003.
- Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2003. С. 251–515.
- Ньюман С. Постанархизм. М.: РИПОЛ классик, 2022.
- Фатенков А.Н. Цифровое общество: цивилизация на стадии «комфортной» тоталитарности // Век глобализации. 2022. № 1 (41). С. 72–85.

Статья поступила: 31.08.23. Финальная версия: 23.09.23. Принята к публикации: 30.10.23.

MODERN CAPITALISM FROM THE PERSPECTIVE OF CRITICAL THEORY OF SOCIETY

FATENKOV A.N.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksey N. FATENKOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian; Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russian (fatenkov@fsn.unn.ru).

Abstract. The author resolves a twofold task: to give essential characteristics of the modern society and to reveal the reasons for difficulties faced by the social theory while describing it. In this regard, structural and substantive shortcomings are revealed in the traditional class approach to social reality analysis as well as in competing stratum and network-based approaches. The discourse of 'post-capitalism' is critically evaluated. The concept of the capitalist essence of social relations dominating at present is deduced from the statement of an extremely high level of alienation characteristic for the modern technologically developed society. The notion of consumer society is conceptually tied to the matrix of capitalism and meaningfully clarified. The author's central idea is that today we are dealing with authentic capitalism. It is a unipolar configuration with the only, i.e. ruling, class, in the center, and a declassed social mass in the vast periphery of the center. In overcoming the alienation and dictates of capital, an important role is assigned to the procedure of self-identification of individual.

Keywords: authentic capitalism, one-class society, alienation, social theory.

REFERENCES

- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2022) Capitalism, Post-Capitalism and the Creative Revolution (Critical Reflections on the Article by D.A. Davydov). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 100–109. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2022) Class Domination in the Era Post-Capitalism: Part 1. The Ethos of the Personalist. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 142–152. (In Russ.)
- Fatenkov A.N. (2022) Digital society: civilization at the stage of "comfortable" totalitarianism. *Vek globalizatsii* [Age of Globalization]. No. 1 (41): 72–85. (In Russ.)
- Hegel G.W.F. (2002) *The Phenomenology of Spirit*. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russ.)
- Latour B (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: HSE Publ. House. (In Russ.)
- Lukács G. (2003) *History and Class Consciousness*. Moscow: Logos-Al'tera Publ. (In Russ.)
- Marcuse H. (2003) One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. In: Marcuse H. *Eros and Civilization. One-Dimensional Man*. Moscow: AST Publ.: 251–515. (In Russ.)
- Newman S. (2022) *Post-Anarchism*. Moscow: RIPOЛ klassik Publ. (In Russ.)

Received: 31.08.23. Final version: 23.09.23. Accepted: 30.10.23.